

Член международного совета литературоведов, редактор научных сборников, председатель редакционного совета и главный редактор научных изданий.

Приглашенный лектор в университетах Германии, Италии, США. Читал лекции по русской культуре и литературе в Миланском университете, университете Бергамо (Италия), Тюбингенском, Потсдамском, Констанцском, Ольденбургском университетах (Германия), университете Северной Айовы (США).

Президент Научно-образовательного культурологического об-ва России. Член Координационного комитета кафедр ЮНЕСКО в РФ.

Участник международных конференций и проектов в университетах Европы.

Опубликовано более 200 работ по проблемам культуры, литературы и образования, в том числе в профильных изданиях в Германии, Голландии, Польше, США, Венгрии, Франции на английском, немецком, польском, русском языках.

За вклад в реализацию образовательных программ высшей школы неоднократно отмечен благодарственными грамотами и дипломами губернатора Санкт-Петербурга., Полномочного представителя Президента по Северо-Западному федеральному округу РФ, администраций регионов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Засл. деятель науки РФ. Почетный работник высшего профессионального образования. Награжден медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга.».

Д. П. Бак

СЛОВО О ДРУГЕ

С Сережей Гончаровым у нас все было как-то пунктирно, перекрёстно и радостно. В первый раз увиделись сорок лет назад, в декабре 1981 года.

Я – третьекурсник Черновицкого университета на Украине, приехавший в Ленинград, в ЛГУ на Всесоюзную научную студенческую олимпиаду по филологии (это был тогда такой чемпионат СССР среди студентов-филологов). Через несколько дней я был назван победителем, что и определило во многом дальнейшее. Представившийся Сергеем молодой человек встречал робких провинциалов в коридоре филологического факультета ЛГУ, он был председателем НСО (Научного студенческого общества), некоторое время назад он вместе с (будущей?) женой Олей был командирован из Кемеровского университета в Ленинградский на «доучивание» – была такая форма поощрения круглых отличников в региональных университетах. Поговорили тогда о жизни и о Станиславе Леме, о котором я тогда готовился писать дипломную работу.

Далее картинка меняется. В декабре 1988 года (через семь лет) мы узнаем друг друга уже в Томске, в ТГУ на одной из легендарных конференций «Проблемы метода и жанра» под руководством легендарной же Фаины Зиновьевны Кануновой. Оказалось, что за это время черновицкий мальчик, выигравший еще несколько всесоюзных научных конкурсов, перебрался в ... Кемерово, благодаря внимательной помощи Натана Давидовича Тамарченко, попал на легендарную ныне кафедру, откуда только что отбыл В. В. Федоров (совсем недавно скончался в Донецке), а работали Михаил Николаевич Дарвин, Валерий Игоревич Тюпа и еще

несколько замечательных ученых и моих прекрасных друзей. А мальчик из Туапсе (Сереза Гончаров), за эти годы закончил аспирантуру в ЛГУ, остался преподавать в Герценовском пединституте (ЛППИ, ныне РГПУ). То есть я оказался волею четкого провидения как раз в том университете и городе, где все знают и помнят Серезу, уже отбывшего в Ленинград, готовившийся стать Петербургом.

Акт третий: я в Москве, в РГГУ, вместе с половиной нашей кемеровской кафедры, Сереза в Петербурге, у него успехи, становится первым проректором Герценовского и т.д. И вот тут-то на третьем десятке лет общения начинается удивительный период. В силу некоторых параллельных жизненных обстоятельств мы становимся ближайшими, нежными друзьями, видимся нечасто, но знаем друг о друге все или почти все.

Акт четвертый. Я перебираюсь в Гослитмузей, Сереза сначала возвращается в ЛГУ, а затем переезжает в Грозный, где перезапускает жизнь, работает в университете.

Акт пятый. Мы с Юрой Комлевым, в начале семинара директоров литературных музеев в Воронеже (16 июня с.г.) завтракаем и думаем, где бы провести следующий семинар. Не на Кавказе ли, размышляет вслух Юра. Там же музеи Лермонтова, Толстого и т.д... Я тут же экспромтом звоню Серезе, все закручивается немедленно, благодаря его обычной энергии. Я получаю нужные координаты для звонков. Потом из-за следующей поездки никак не выбираю эти звонки осуществить. И вдруг получаю короткую смску от Гончарова: «У тебя все нормально?». Отвечаю, что, мол, прости, заматался, все сделаю и т.д. И в ответ следующее: «Я в нормальной коммуникации, в реанимации, влетел с 90 поражением, сейчас 75. Береги себя, это жесткая и непредсказуемая вещь». Дальнейшие несколько коротких сообщений пока даже перечитать не могу. Последним был мой короткий звуковой оклик утром в воскресенье, на который уже не было ответа. Не могу никак комментировать, больше нечего сказать, не нахожу слов. Не могу без тебя пока, мой дорогой. Светлая тебе и вечная память, Царствие небесное...

Памяти Сергея Гончарова

тёплые люди – простые как день
детский, июньский без края и смерти:
адрес на авиабелом конверте,
несколько слов на тетрадном листе;

зелен и зол фотосинтез, в воде
круг расходящийся ширится вместе
с памятью о тебе в перекрестье
чёрных лучей, загустевших в беде;

тают молекулы, нету пути,
воздуха твёрже вовек не найти,
лёгкие лёгкие тонут в прерывном

страшном дыханье... иди же, лети!
столько процентов свободы прихлынет
в белом чертоге небесной груди

1 августа 2021